

ТАМГИ РУССКИХ ДВОРЯНСКИХ РОДОВ

У В.Н. Татищева имеется известие, представляющее значительный интерес для изучения истории дворянского сословия и русской геральдики. К сожалению, оно очень кратко, подано в широком контексте и трудно интерпретируется.

Вначале историк говорит о тамговых знаках татар: «В татарской истории о роде Чингиз хана написано, что он всем знатным родом раздавал троякие знаки: 1) птица, 2) дерево, 3) ясак. Ханская птица – кречет. И оные, – продолжает Татищев, – они доднесь хранят и называют тамга. Но приняв закон магометанской, который животных изображать запрещает, изображают свои тамги нимало подобным тому знаку». Далее автор обещает: «А о ясаках, у нас бывших, ниже упомяну».

Действительно, ниже Татищев говорит уже о русских дворянах и о неких наследственных знаках, которые автор также называет «ясаками»¹. Приводим этот отрывок полностью: «А фамильных («ясаков» - О.Х.) несколько сот имею, яко: Авросимовых – Кадуи, Аладиины – Базулак, Бахметев – Порывай, Бутурлины – Соловей, Воейков – Рычан, Вельяминов – Лошак, Гагарины – Благодать, Голицыны – Гамар, Долгоруков – Сургут, Давидовых – Минчак, Ромодановских – Гамаюн, Салтыковых – Салтык, Сабакин – Доезжай, Трубецкой, Татищев – Нуздай, Хрущов – Касуй, Черкасских – Кабарда, Шереметев – Шеремет, Юсупов – Аргутап. У поляк, мню, сии же ясаки за имяна гербам приложены»².

Первым и, насколько нам известно, единственным исследователем, который решился прокомментировать этот отрывок, был А.Б. Лакиер. Впрочем, он лишь посетовал, что «Татищев смешал польские, прусские и наши отечественные знамена с татарскими ясаками, существование которых несомненно... Бесспорным остается то, - отметил автор, - что татарские роды могли принести в Россию свои ясаки»³.

Такой итог историографического освоения данных Татищева удовлетворить не может. По сложившимся в геральдической литературе представлениям, устойчивые («фамильные») дворянские эмблемы возникли в России в последней четверти XVII в. в заимствованной из Запада гербовой форме. Мы находим их, в основном, на печатях того времени. Ранее представители дворянских родов пользовались случайными штемпелями, часто античными геммами, которые, как правило, не наследовались. Если Татищев был прав, то это в значительной мере меняет наши представления об истории складывания русской дворянской символики. Поэтому необходима попытка более углубленного изучения сведений Татищева, не исходящая из посылки, что ученый что-то «смешал» и напутал.

В.Н. Татищеву, проявлявшему интерес к вопросам геральдики⁴, были доступны редкие, уже утраченные источники, в том числе из архивохранилищ Казани, Астрахани и Сибири⁵. Попытаемся подойти к данным Татищева с доверием и подробно разобрать приведенный выше отрывок из «Истории Российской».

Прежде всего, полемика Лакиера с Татищевым представляется преждевременной. Очевидной ошибкой историографа, на которую и указал Лакиер, было предположение о том, что ставшие ему известными названия дворянских тамг закрепились в польской геральдике в качестве названий гербов. Действительно, из приведенных Татищевым девятнадцати названий (если считать, что у Трубецких была тамга, одноименная их фамилии) только «Солтык», тамга Солтыковых, имеет созвучную польскую эмблему. Это, разумеется, не гарантирует графического совпадения двух композиций. С известной натяжкой можно предположить некую связь тамги Бахметевых «Порывай» с польской эмблемой «Порай». Впрочем, вид как «Солтыка», так и «Порая» совершенно расходятся с нашим представлением о тамгах, как о лаконичных в образительном отношении знаках. «Солтык» (Soltyk) представляет собой «в правую сторону обращенного черного орла с короною на голове и поднятыми вверх крыльями. В правой лапе он держит меч, на который надета княжеская корона»⁶. «Порай» (Poray) – «в красном поле белая в полном цвету роза»⁷. Что же касается фразы Лакиера о том, что в приведенном Татищевым списке имеются названия прусских и российских гербов, то она вызывает недоумение. Вряд ли такие названия существовали вообще.

Лакиер был согласен с Татищевым в том, что существование татарских «ясаков» несомненно, и что «татарские роды могли принести в Россию свои ясаки». Действительно, факт бытования у тюркских родов или кланов лично-родовых знаков, имевших собственные названия, общеизвестен. На первой стадии своей эволюции тамги символизировали тотемное животное племени. В это время существовала прямая связь между тотемом, этнонимом (поскольку племя носило имя тотема), графикой тамги и ее названием. На второй стадии эволюции тамговых знаков их связь с тотемами и этнонимами утрачивается. Племена принимают имя своего предводителя, либо название местности, где они обитали, либо усваивают наименование доминирующего племени. Иногда названием племени становится эпитет, характеризующий образ его жизни или род занятий⁸. Тамги начинают символически изображать предметы быта и орудия труда, что и дает им наименования, скажем, «шугуш» (молоток), «клиш» (меч), «камчи» (хлыст)⁹.

Нет ничего невероятного в том, что татарские роды и их отдельные представители, прибывая на Русь, сохраняли свои родовые тамги. Некоторые из них могли позднее и геральдизироваться. Подобные процессы наблюдались в Великом княжестве Литовском, что стало предметом специального исследования С.В. Думина. Автор вполне обоснованно полагает,

что "эмблемы литовско-татарских печатей восходят к родоплеменным эмблемам предков этих семей, употреблявшимся до выезда в В[еликое] к[няжество] Л[итовское]"¹⁰. Эти эмблемы (тамги), подобно упомянутым Татищевым, имели собственные названия, закрепившиеся затем и за литовско-татарскими гербами.

Следует подчеркнуть, что Татищев назвал, помимо выездных татарских, роды исконно русского и литовского происхождения. Собственно, из девятнадцати только четыре (Бахметевы, Давыдовы, Черкасские и Юсуповы) достоверно происходили из исламской среды. Можно предположить, что их геральдическая традиция на определенном этапе складывалась подобным же образом, что и у их соплеменников в Литве: прибывшие на Русь татары оставили в употреблении свои тамги, сообщив их и ближайшим потомкам. Представители же русских и литовских родов либо усвоили татарские тамги, либо придумали оригинальные.

Татищев, как явно видно из приведенного отрывка, обладал не отрывочными сведениями, а некой систематизированной подборкой данных. Дворянские фамилии даны им в алфавитном порядке. Автор производил подсчеты своей коллекции. Кстати, количество собранных им названий эмблем («несколько сот») обескураживает. Это означает, что по меньшей мере значительная часть русских дворян пользовалась именованными тамгами (вспомним, что в конце XVII в. немногим более 500 дворянских семей, часто принадлежавших к одному роду, подали свои росписи в Разряд). В геральдической же литературе, за исключением данных Татищева, на настоящий момент неизвестно ни одного названия русской родовой тамги. Тамгообразные фигуры иногда встречаются на дворянских печатях XVI в.¹¹ Порой они имеют уже геральдизированный вид. На печати воеводы Федора Васильевича Боборыкина 1623 г. сложная тамга изображена в геральдическом антураже – на вырезном гербовом щите с щитодержателями¹².

Заметим, что источником для Татищева вряд ли мог служить сфрагистический или другой изобразительный материал. Из него можно было бы извлечь рисунок тамги, но не название. Скорее всего, выборка Татищева была составлена на основе какого-то одного, ныне утраченного письменного памятника.

Эта посылка позволяет сделать следующее предположение: источник Татищева зафиксировал единовременное использование тамг девятнадцатью дворянскими родами. Появляется возможность выяснить как дату источника, так и время бытования татарских или подобных им эмблем в русской дворянской среде. Отдельные дворянские роды могли пользоваться именованными тамгами в довольно широкий период – с начала XV в. до второй половины XVII в., когда усилилось влияние польской геральдики. Однако, если исходить из нашего предположения, то источник Татищева отразил существование данной практики в конце XVI – первой половине XVII в., когда упомянутые им дворянские роды существовали одновременно (см. таблицу).

Историческая ситуация этого времени выступает как вполне органичный контекст для заимствований татарских правовых и культурных явлений. К рубежу XVI и XVII в. многие мусульманские соседи Руси пали. Русские стали активно осваивать Поволжье, Сибирь. Татарские и ногайские иммигранты – «служилые татары» – вливались в русское служилое сословие. Это стало благоприятной почвой для взаимопроникновения двух культур.

* * *

Сфрагистический материал XVI-XVII вв. в настоящее время изучен неудовлетворительно и не может служить подтверждением достоверности сведений Татищева. Тем не менее, как говорилось выше, отдельные печати содержат тамгообразные эмблемы. Есть таковая и на печати Ивана Юрьевича Бахметева (1679 г., см. приложенную прорисовку)¹³. Согласно источнику Татищева, Бахметевы пользовались тамгой «Порывай». Однако существовало как минимум два рода Бахметевых, что не позволяет уверенно отождествить рисунок на этой печати с «Порываем».

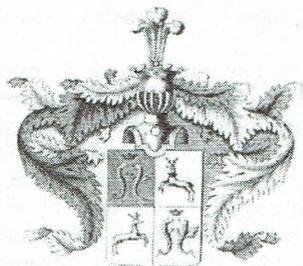

* * *

Русский геральдический материал XVIII-XIX вв., относящийся к упомянутым В.Н. Татищевым родам, в своей массе не дает оснований для суждений о бытовании в среде русских дворянских родов тамгообразных эмблем. Исключение составляют гербы Воейковых и князей Черкасских.

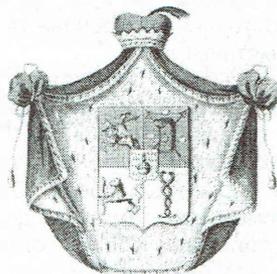
30.

ГЕРБЪ РОДА ВОЕЙКОВЫХЪ.

31.

ГЕРБЪ РОДА КНЯЗЕЙ ЧЕРКАСКИХЪ.

К 1785 г. представители рода Воейковых, а именно Матвей Петрович и Василий Яковлевич, пользовались гербовыми печатями с четверочастным

круглым щитом, помещенным на мантии под дворянской короной. В первом и четвертом полях неясно читаются две изогнутые фигуры, напоминающие строчные «S» и «Г». Во втором и третьем полях – олень, бегущий к центру щита¹⁴. В труде игумена Ювеналия был помещен гравированный герб Воейковых с описанием и истолкованием преподобного автора. Внешний вид герба в сравнении с печатями М.П. и В.Я. Воейковых был сохранен, но фигуры щита прописаны яснее. В первом и четвертом полях они стали змеями, «един змий с крылами, а другой змий без крыл; над двумя змиями едина корона». Как объяснил Ювеналий, это – «герб старобитной вельможи сербского короля, славнаго честнаго мужа Воитега Терновскаго, отца Воеика Воитеговича, праотца фамилии благородных господ Воейковых». Геральдическая легенда, изложенная Ювеналием, несостоятельна; она лишь призвана поддержать родословие Воейковых в варианте 1690 г.

Возможно, змееборческий сюжет в первом и четвертом полях герба представляет собой остаток архаичной эмблематической традиции, которая связана, согласно Татищеву, с тамгой «Рычан».

Источники, связанные с утверждением герба князей Черкасских («потомства Инала»), прямо указывают на его связь с былой тамгой. Содержащееся здесь объяснение фигуры четвертого поля – перевитых змей – такое: «Сие изображение, в Египте употребляемое, служило всегда клеймом для горских народов»¹⁵. Мы видим, что в конце XVIII в. у сильно обрусевших «потомков Инала» сохранилась память о родовой тамге, геральдизированный вариант которой являет герб князей Черкасских.

Однако, отождествление фигуры четвертого поля герба князей Черкасских с тамгой «Кабарда» проблематично. Существует вероятность того, что сведения Татищева относились к одному из одноименных им родов. В российской истории фигурировало по меньшей мере четыре княжеских рода Черкасских, выезжих из Кабардинской (Черкасской) земли и взаимно не признававших родства. П.В. Долгоруков отметил еще двенадцать лиц, именовавшихся князьями Черкасскими, но не вошедшими в родословные росписи упомянутых четырех родов. Вероятно, все они были принявшими крещение кабардинскими мурзами, не обязательно состоявшими в родстве с семьями, поставлявшими раздробленной Кабарде «больших» князей¹⁶.

* * *

Убедительные подтверждения достоверности источника Татищева дают данные ономастики.

По подсчетам В.В. Руммеля, к концу XVII в. насчитывалось семнадцать дворянских (к ним следует прибавить один княжеский) родов с фамилией Давыдовы. Однако, нет никакого сомнения, что тамгой «Минчак» мог пользоваться только род Давыдовых потомства Минчака Касаева (иначе – Давыдовы-Минчаковы) и те Давыдовы, которые претендовали на родство с

ним. Мурза Минчак выехал в Москву в начале XV в. и по крещении принял имя Симеон. От старшего сына Минчака Давыда Симеоновича пошел род Давыдовых.

Основатель рода Давыдовых Минчак Касаев мог иметь свою собственную тамгу, закрепившуюся у его ближайших потомков. Известие о том, что род Давыдовых пользовался фамильной тамгой с названием «Минчак» вызывает доверие к сообщению Татищева в целом.

Наименование фамильной тамги Давыдовых по имени основателя рода точно соответствует практике, бытовавшей у тюрков. Добавим, что Минчак – распространённое у тюркских народов мужское имя, производное от «мунчак» – бусы, ожерелье из драгоценных камней¹⁷. С.Б. Веселовский фиксирует слово «Минчак» в качестве различных элементов именной формулы среди русского населения. Он упоминает переяславского бортника Минчака (конец XV в.), Семёна Васильевича Минчака Стуришина (1582 г.), подъячего Пушкарского приказа Елисея Минчакова (1623 г.)¹⁸.

С точки зрения ономастики сведения Татищева убедительны и в отношении тамги Собакиных «Доезжай». В.Н. Татищев, скорее всего, имел в виду наиболее знатный и известный род Собакиных, к которому принадлежала царица Марфа Васильевна. Этот род производил себя от «мужа честна» Ольгерда Впрягая, в крещении Дмитрия (в варианте XVIII в. – датского выходца Ольгерда Преги). Прозвание основателя рода – Впрягай – тематически близко к наименованию тамги «Доезжай». Вероятно, последняя соответствовала прозванию лица из ближайшего потомства Дмитрия Впрягая.

В этой связи обращает на себя внимание название тамги Вельяминовых – «Лошак». Несмотря на популярность этого прозвания в дворянской среде¹⁹, мы не находим его ни в роду Протасьевичей-Вельяминовых, ни в роду Зерновых-Вельяминовых. Однако среди Вельяминовых потомства Дмитрия Зерна в Бархатной книге значится Иван Михайлович Лышка. Вероятно, «Лошак» есть искажение его прозвища.

В связи с тамгой Бутурлиных «Соловей» следует упомянуть о популярности «птичьих» прозваний среди потомков Акинфа Гавриловича Великого. К этому роду принадлежал Андрей Андреевич Слизень (селезень), Григорий Романович Курица, помещик Вотской пятины Андрей Григорьевич Баклан, окольный Федор Леонтьевич Ворон.

* * *

В пользу достоверности сведений Татищева относительно князей Ромодановских и их тамги «Гамаюн» выступают данные топонимики. Родовые вотчины князей Ромодановских в первой трети XVII в. располагались в Стародубском стане Суздальского уезда.²⁰ За счет передачи в вотчину поместий Ромодановские к последней четверти XVII в. стали владеть новыми вотчинами, в том числе и в Калужском уезде²¹.

Село Ромоданово расположено напротив Калуги на другом берегу р. Оки. В 5 км к югу от села начинается «Гамаюнщина» - лесные угодья бывлой вотчины князей Ромодановских. «Гамаюнщина», вероятно, сохранила в своем названии память о прозвании владельца второй-третьей четвертей XVII в. или о его межевых знаках²².

* * *

С приведенными В.Н. Татищевым названиями русских дворянских эмблем соотносится ряд топогидронимов, которые, в свою очередь, связаны с наименованиями кочевых родоплеменных образований.

Так, тамге «Кадуй», принадлежавшей роду Офросимовых, соответствуют одноименный населенные пункты в Красноярском крае (деревня близ г. Нижнеудинска), Туве (Кадый-Бажи), река в Иркутской области (Усть-Удинский район) и т.д.

Название тамги Оладыных «Базулук» восходит, вероятно, к гидрониму из древнетюркского «бузулук» (ледовый), что характеризует небольшие реки, полноводные только во время ледохода и таяния снегов. Река Бузулук, приток Самары (в Оренбургской области) в 1736 г. дала название основанной И.К. Кирилловым крепости. В бассейне другого Базулука, притока Хопра, расположены селения Бузулук и Бузулукский. Имеется Бузулук (или Базавлуг) и в водной системе Днепра. Топонимы «Бузулук» встречаются тоже часто, причем ряд из них не связан географически с одноименными реками. Такое имя носят населенные пункты в Казахстане (Бузулук и Бузулукский на реке Ишим в Тургайской области), в Башкирии (к западу от г. Уфы), в Иркутской (восточнее г. Тулун) и Орловской (близ истока р. Оки) областях.

Тамга Долгоруковых «Сургут» соотносится с рядом топогидронимов. В Красноярском крае на Енисее имеется селение Сургутиха. В Самарской области протекает река Сургут, левый приток Сока. Так же называется один из протоков р. Оби в нынешней Тюменской области, давший в 1594 г. имя острогу. Отметим, что здесь в 1599 г. был воеводой князь Федор Тимофеевич Долгоруков. Имя тюменского Сургута связывают с языком ханты, переводя его как "богатая рыбой пойма реки". Н.К. Фролов считает, что основу указанных топогидронимов составило название племени сургут. Для нас несущественна первичность гидронима или этнонима. Важно, что племя сургут существовало, обладало элементами племенной организации, в том числе и тамгой. По какому поводу князь Долгоруковы ее усвоили и каков был ее внешний вид, сейчас неизвестно.

* * *

Итак, В.Н. Татищев обладал неким источником, перечислявшим названия нескольких сотен родовых, иначе говоря, наследуемых тамг, принад-

лежавших русским дворянским родам. Среди них – все пять титулованных боярских «больших» родов, которые, согласно Котошихину «бывают в боярах, а в окольничих не бывают»: князья Черкасские, Трубецкие, Голицыны, Долгоруковы, Ромодановские. Рядом с ними – нетитулованные старомосковские бояре Бутурлины, Вельяминовы, Салтыковы, Собакины, Татищевы, Шереметевы; княжеский, но скромный в служебном и поземельном отношении род Гагариных; провинциальные дворяне Воейковы, Оладьины и Хрущовы, достаточно поздно попавшие в московский список; наконец роды, пополнившие его уже в самом конце XVII в. – Бахметевы, Давыдовы, Офросимовы, Исуповы. Иначе говоря, практика использования тамгообразных знаков была достаточно распространена в среде русских дворян вне зависимости от их статуса.

Достоверность сведений Татищева была без должной аргументации поставлена под сомнение А.Б. Лакиером. Однако ряд данных геральдики, сфрагистики, ономастики, генеалогии, топонимики и этнонимики позволяют реабилитировать данные Татищева. Как вполне достоверные можно трактовать его сведения по крайней мере относительно Давыдовых и тамги «Минчак», Ромодановских и тамги «Гамаюн», Собакиных и тамги «Доезжай», Черкасских и тамги «Кабарда».

По времени возникновения упомянутых родов можно приблизительно датировать как источник Татищева, так и саму практику бытования именных тамг. Речь должна идти о периоде с конца XVI-начала XVII в., когда все девятнадцать родов уже сложились и получили свои родовые прозвания, до последней четверти XVII в., когда пришла мода на геральдические композиции. Разумеется, отдельные роды могли владеть тамгами и раньше.

Ряд тамг принял имя главы рода («Минчак», «Салтык», «Трубецкой», «Шеремет»), как это и было в обычае у тюркских народов. В других случаях тюркский племенной символ сохранил свое общеплеменное наименование и совпадает с этнонимом («Кабарда», «Аргутап», «Сургут»). Некоторые из названий эмблем, приведенных Татищевым, созвучны прозваниям, бытовавшим в дворянской среде. Это тамга Бахметевых «Порывай», Татищевых – «Нуздай», Собакиных – «Доезжай» (ср. Смиряй, Заломай, Впрягай и д.т.). Однако, поскольку в родословных росписях данных родов такие прозвания не встречаются, вопрос о происхождении этих названий остается открытым. Можно предположить, что наряду с заимствованием тамги представители русских дворянских родов могли присвоить в оригинале или в переводе и другой атрибут тюркской племенной организации – уран, боевой клич, часто совпадавший с названием племенной тамги. Это предположение может дать объяснение названию ряда символов.

Факт широкого бытования у русских дворян тамгообразных эмблем, заимствованных у татар или оригинальных, остается пока гипотезой, требующей дальнейшего изучения. Трудность этой задачи состоит в

малой источниковой базе. Тамги, скорее всего, редко использовались на дворянских печатях. Сферой их применения была, очевидно, та органика, которая не представлена в музейных и архивных коллекциях. Это клейма скота, метки на бортовых деревьях, межевые рубежи. Последние изображения зафиксированы письменными источниками и отличаются известным разнообразием. Возможно, систематическое выявление и изучение этого материала, как и других памятников ранней русской эмблематики, даст более точные представления об наследуемых тамгах дворянских родов.

№	Тамга	Фамилия	Начало рода
1	Базурук	Аладыны-Монастыревы Аладыны	втор. Пол. XV в. Кон. XV в.
2	Кадуй	Офросимовы Афросимовы	перв. Пол. XV в. Втор. Пол. XVI в.
3	Порывай	Бахметевы	втор. Пол. XV в.
4	Соловей	Бутурлины	нач. XV в.
5	Лошак	Вельяминовы-Протасьевы Вельяминовы-Зерновы	сер. XV в. Сер. XV в.
6	Рычан	Воейковы	нач. XV в.
7	Благодать	Гагарины, кн.	Втор. Пол. XV в.
8	Гамар	Голицыны, кн.	Кон. XVI в.
9	Минчак	Давыдовы	нач. XV в.
10	Сургут	Долгооруковы, кн.	Кон. XV в.
11	Гамаюн	Ромодановские, кн.	Нач. XVI в.
12	Салтык	Салтыковы-Морозовы Салтыковы-Травины	втор. Пол. XV в. Кон. XV в.
13	Доезжай	Собакины	нач. XVI в.
14	Нуздай	Татищевы	кон. XV в.
15	Трубецкой	Трубецкие, кн.	Нач. XVI в.
16	Касуй	Хрущовы Хрущовы-Фатьяновы Хрущовы-Григорьевы	сер. XVI в. Кон. XVI в. Нач. XVII в.
17	Кабарда	Черкасские, кн.	Втор. Пол. XVI в.
18	Шеремет	Шереметевы	кон. XV в.
19	Аргутап	Юсуповы, кн. Исуповы	кон. XVI в. Сер. XIV в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Следует, очевидно, заменить термин «ясак», употребляемый В.Н. Татищевым, на термин «тамга». Тамгой называлась как подать, так и печать, знак. В первом значении этот термин совпадает с ясаком, во втором – нет.

² *Татищев В.Н.* История Российская. М., 1962. Т. 1. С. 369-370.

³ *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 332.

⁴ *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII-XIX вв. М., 1981. С. 67, 69-72, 166, 181, 182, 241, 253.

⁵ *Тихомиров М.Н.* О русских источниках «Истории Российской» // *Татищев В.Н.* Указ. соч. С. 40.

⁶ *Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 292.

⁷ Там же. С. 290.

⁸ *Навишрванов З.Ш.* Предварительные заметки о племенном составе тюркских народностей, пребывавших на юге Руси и в Крыму // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (бывшей Таврической Ученой архивной комиссии). Симферополь, 1929. Т. 3 (60). С. 82.

⁹ *Баски И.* Тамги и этнические названия (вклад тамга-знаков в этногенез татар) // Татарская археология. Казань, 1997. № 1. С. 132.

¹⁰ *Думин С.В.* Геральдика литовско-татарского дворянства XVI-XX вв. // Гербовед. 1996. № 10. С. 16.

¹¹ *Иванов П.И.* Сборник снимков с древнейших русских печатей, приложенных к грамотам и другим документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1858 (*далее – Иванов*). Табл. 4. № 24; Табл. 7. № 111; Табл. 10. № 44; Табл. 12. № 94.

¹² Там же. Табл. 10. № 61.

¹³ Там же. Табл. 17. № 252.

¹⁴ Гербовник А.Т. Князева. С. 25. № 68 (18), 69 (19).

¹⁵ К истории герба рода князей Черкасских // Гербовед. 1913. С. 66-68.

¹⁶ *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. СПб., 1855. Т. 2. С. 36-44.

¹⁷ *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 17.

¹⁸ *Веселовский С.Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 199.

¹⁹ Там же. С. 185.

²⁰ *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. М., 1990. С. 163.

²¹ Он же. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII в. М., 1996. С. 129.

²² *См.: Николаев Е.В.* По калужской земле. М., 1970. С. 104-105.